

УДК 811.161.1:161.26

Р. В. Алимтиева, С. Н. Бабулевич

**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ
МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ
В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА С. ЕСЕНИНА**

На материале поэтических произведений С. Есенина рассматривается текстовая функция средств выражения модального значения долженствования; устанавливается их функционально-семантическая иерархия и роль в раскрытии аксиологической картины мира поэта.

On the basis of S. Yesenin's poetry, the authors consider the text function of linguistic units expressing the modal meaning of necessity. The article offers their functional and semantic hierarchy and describes their role in analysing the poet's axiological world view.

Ключевые слова: модальность, модальное значение долженствования, эксплицитность, имплицитность, поэтический текст, аксиологическая картина мира.

Key words: modality, necessity, explicitness, implicitness, poetic text, axiological world view.

От модальности предложения к модальности текста, и в первую очередь художественного, — такова общая направленность современных исследований по модальности (см., напр.: [2; 3; 7; 9]), что непосредственно связано с антропоцентрическим характером лингвистических исследований в целом. «Пронизанный субъективностью и антропоцентрическими установками», художественный текст «не может не способствовать активной реализации в нем различных субъективно-модальных, оценочных значений» [1, с. 194], среди которых особой концептуально-оценочной значимостью отличаются составляющие план содержания ситуативной модальности значения возможности, желательности и долженствования. Характеризуясь яркой антропоцентрической направленностью, они выражают основные аксиологические устремления человеческой личности (хочу — могу — должен), что определяет их ядерное положение в любой авторской (художественной) картине мира, в том числе в одном из сложнейших образований подобного типа — аксиологической картине мира С. Есенина. При этом особой эстетической приоритетностью данных значений характеризуется модальное значение долженствования, выражающее стремление человека к определенной цели, ощущение им своего высокого предназначения, и прежде всего долга перед Родиной, перед всем сущим, соотносенным с понятием *жизнь*.

Анализ средств выражения модального значения долженствования в поэтических текстах С. Есенина позволил установить, что рассматриваемой языковой системе почти не свойственны те экспликативные данного значения, которые принято называть собственно модальными. Так, в текстах С. Есенина отсутствуют отпричастные прилагательные

типа *должен, обязан*, безличные модальные глаголы и лишь единичными примерами представлены репрезентации соответствующего значения, включающие в свой состав собственно модальные предикативные наречия *надо, нужно*, реализующиеся в сочетании с субъектным зависимым инфинитивом. Ср.: «Но и все ж *возвращаться не надо*» [10, т. 3, с. 93]¹; «И первого // Меня *повесить нужно*, // Скрестив мне руки за спиной, // За то, что песней // Хриплой и недужной // Мешал я спать // Стране родной...» [10, т. 2, с. 235]. К этой же парадигме следует отнести и сочетания инфинитива с несобственно модальными предикативами, такими, как *довольно* («будет, хватит, пора прекратить делать что-то», МАС), *полно* («довольно, перестаньте, больше не следует», МАС): «*Довольно скорбеть! Довольно!*» [10, т. 3, с. 65]; «На земле милее. *Полно плавать* в небо...» [10, т. 3, с. 77].

Функцию соответствующих модальных модификаторов в текстах С. Есенина выполняют и предикативные существительные *время, пора*, характеризующиеся временной семантикой, причем с возможной активизацией потенциально присутствующего в ней модального значения долженствования. Ср.: «Ну что же? // Молодость прошла! // *Пора* *приняться* мне // За дело...» [10, т. 3, с. 49]; «*Пора* *расстаться* с озорной // И непокорною отвагой» [10, т. 2, с. 137]; «И *время* тебе *подсмотреть*, // Что яблоне тоже больно // Терять своих листьев медь» [10, т. 3, с. 65].

Потенциально отраженное в семантике названных существительных модальное значение долженствования может получать реализацию и в структуре двусоставного предложения, где соответствующие существительные выполняют роль подлежащего при сказуемом, выраженном инфинитивом. Об этом, например, свидетельствует следующий отрывок из стихотворения «Письмо к женщине», где сочетание существительного с инфинитивом на уровне главных членов двусоставного предложения: «удел катиться» (*удел* — «участь, судьба», МАС) — выполняет ту же функцию экспликатора модального значения долженствования, что и соответствующие сочетания, реализующиеся в качестве составных сказуемых в структуре безличных предложений: «Вы говорили: // Нам *пора расстаться*, // Что вас измучила // Моя шальная жизнь, // Что вам *пора* за дело *приниматься*, // А мой *удел* — // *Катиться* дальше, вниз» [10, т. 2, с. 203].

Среди немногочисленных конструкций с несобственно модальными глаголами, реализующими значение долженствования в сочетании с субъектным инфинитивом, необходимо отметить случаи, когда данное значение совмещается с модальным значением желательности. «И вот теперь // Я *сообщить* вам *мчусь*, // Каков я был // И что со мною стало!» [10, т. 2, с. 206]. В приведенном примере посредством текстовой реализация словоформы *мчусь* выражается не только модальное значение долженствования (должен сообщить), но и неумное желание лирического героя передать чрезвычайно важную для него информацию о своем духовном преображении.

Отмеченные выше эксплицитные формы выражения модального значения долженствования в текстах С. Есенина реализуются в непо-

¹ Курсив в цитатах везде наш. — Р. А., С. Б.

средственной соотнесенности с имплицитными (безмодификаторными) способами выражения данного значения, которые в рассматриваемой поэтической системе являются наиболее частотными, составляя более 80 % от общего количества экспликаторов модального значения долженствования. К числу имплицитных способов выражения различных значений ситуативной модальности, в частности модального значения долженствования, относятся элементы грамматического контекста: отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения («Ничего! Я споткнулся о камень, // Это к завтраму все *заживет*» [10, т. 2, с. 110]) — должно зажить), конструкции с независимым инфинитивом («*Не бродить, не мять* в кустах багряных // Лебеды...» [10, т. 1, с. 204]) — не надо бродить, не надо мять), побудительные предложения с реализацией в них форм повелительного наклонения («*Не пой! Не пой* мне! *Поцеди*. // И так огонь горит в груди» [10, т. 2, с. 220]), риторические вопросы («*Какого ж я рожна* // *Орал в стихах, что я с народом дружен?*» [10, т. 2, с. 170]) — не надо было орать) и др.

Среди вышеназванных способов имплицитного выражения модального значения долженствования особо выделяются конструкции с независимым инфинитивом, широта и емкость модальной семантики которых органически сочетаются с высокой степенью их экспрессивности [5, с. 490—491; 6, с. 155]. При этом эстетическая функция данных конструкций значительно усиливается при их реализации в структуре риторических вопросов, которые также обладают высоким экспрессивным потенциалом: «*Кого жалеть?* Ведь каждый в мире странник...» [10, т. 2, с. 173]; «*Так чего ж мне ее ревновать? // Так чего ж мне болеть такому*» [10, т. 2, с. 128].

Эмоциональная выразительность и смысловая емкость побудительных конструкций в рассматриваемых текстах во многом достигается одновременной реализацией в них двух модальных значений: долженствования и желательности. Ср.: «*Удержи* меня, мое презренье...» [10, т. 3, с. 134]; «*Так забудь* же про свою тревогу, // *Не грусти* так шибко обо мне. // *Не ходи* так часто на дорогу // В старомодном ветхом шушуне» [10, т. 3, с. 156].

В ряде случаев в качестве имплицитного способа выражения модальности долженствования в поэтической системе С. Есенина выступает широкий контекст, содержащий определенные культурологические факты. Об этом, например, свидетельствует следующий поэтический фрагмент: «*Да!* Теперь решено. Без возврата // Я покинул родные поля... Низкий дом без меня ссутулится. // Старый пес мой давно издох. // На московских изогнутых улицах // *Умереть, знать, судил* мне бог» [10, т. 2, с. 121]. В приведенном отрывке отчетливо прослеживается мысль о том, что поэт (лирический герой) должен умереть в одиночестве, вдали от родины, на одной из узких улиц чужого города. Именно такому модально-оценочному осмыслению данного контекста способствует наличие в нем несобственно модального экспликатора *судил*, соотнесенного с представлением о Боге, а значит, выражающего его желание и волю (ср. одно из значений глагола *судить* — «предназначать», МАС). И этому желанию как предопределению свыше не может и не должен противостоять человек: ведь то, что должно произойти и про-

изойдет, отнюдь не зависит от его желания и воли. Таким образом, отмеченная в приведенном выше фрагменте модальность желательности под влиянием широкого контекста и внешних культурологических представлений (о Боге, о созданном им мире, о сущности человеческого бытия и т.п.) становится активным индикатором более значимой для восприятия данного поэтического текста модальности долженствования.

В качестве имплицитного способа выражения значения долженствования контекст выступает и в следующем случае: «Дар поэта — ласкать и карябать, // Роковая на нем печать. // Розу белую с черной жабой // Я хотел на земле повенчать» [10, т. 2, с. 131]. В структуре приведенного поэтического текста реализуются три простых предложения (два — в составе бессоюзного сложного). В первом из них через семантику лексемы *дар* (одно из ее значений — «talant, способность», МАС) имплицитно реализуется модальное значение возможности (лирический герой — поэт наделен способностью к совершению определенных действий, а значит, *может* их совершать). Во втором предложении через выражаемый им смысл происходит существенное уточнение установленного вида модальности. Этому непосредственно способствует семантика лексем, входящих в словосочетание *роковая на нем печать*. Согласно данным толковых словарей, одно из значений лексемы *печать* — «отпечаток, применяемый для засвидетельствования, удостоверения чего-либо» (МАС). Семантика лексемы *роковой* соотносена прежде всего с ее значением «как бы предопределенный роком, судьбой» (МАС). При этом и *печать* (в ее образно-поэтическом осмыслении), и предопределение, заверенное этой печатью, через словоформу *на нем* напрямую соотносятся с образом поэта и его даром, из чего следует, что носитель соответствующего дара не только готов к выполнению определенных действий, но и должен их выполнить, так как это предписано судьбой, наградившей его этим даром. Степень контекстуальной выраженности отмеченного модального синтеза подчеркивается содержанием третьего предложения, в котором модальное значение желательности, реализующееся посредством собственно модального глагола *хотеть*, по сути, направлено на осуществление той же жизненно важной для поэта цели: *ласкать и карябать, белое и черное* — это то, что можно, должно и желательно соотнести с гармоническими константами бытия.

Отмеченная приоритетность имплицитных способов выражения модального значения долженствования непосредственно обусловлена спецификой рассматриваемой поэтической системы. Текстам С. Есенина, как творениям истинного мастера слова, свойственны подтексты, индуцирующие информацию, которая часто противоречит эксплицитно реализуемой информации или ослабляет ее. И это значительно расширяет изобразительные возможности есенинской поэтической системы, превращая ее в тончайший инструмент, способствующий проникновению в глубины русской души, души страдающей и сострадающей всему недолговечному, приходящему в этот мир, чтобы «процвести» и «умереть». В этом же эмоциональном ключе следует воспринимать и утверждение М. Горького о том, что «Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для

поэзии, для выражения неисчерпаемой “печали полей”, любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком» [4, с. 224]. И действительно, построенная на глубинных внутренних смыслах, поэзия С. Есенина оказывается способной отразить все многообразие окружающего мира, бесконечный жизненный и творческий поиск поэта, его сложные душевные противоречия, его стремление к истинной красоте, добру и правде.

Рассмотренные эксплицитные и имплицитные репрезентанты модального значения долженствования в своей совокупности направлены на выражение соответствующего этому значению плана содержания, получающего реализацию в конкретных есенинских текстах. Репрезентируемая разноуровневыми языковыми средствами, модальность долженствования, как правило, становится центральным аксиологическим компонентом, позволяющим осознать, с каким родом деятельности, с какими поступками человека поэт связывает свое представление о понятии долга, о том, что должен или, напротив, не должен исходя из определенных нравственных, этических, общественно-социальных принципов совершать человек.

Все вышеотмеченное обуславливает не только высокую степень аксиологической значимости поэтических текстов С. Есенина, но и придает им глубинный философский смысл. Находясь в модальном пространстве долженствования, лирический герой С. Есенина четко осознает, что земной мир является лишь частью безграничного мироздания, которое необходимо беречь с целью сохранения мировой гармонии. Поэт предупреждает мир о том, что не надо вторгаться без особой необходимости в то, что устоялось, что проверено веками: «Если б не было ада и рая, *их бы выдумал* сам человек» [10, т. 3, с. 161], т.е. должен был бы выдумать. Стремясь к предельно четкому выражению этой особо значимой для него жизненной позиции, С. Есенин использует в целом не типичные для его поэтической системы собственно модальные модификаторы долженствования. Ср.: «*Жить надо* легче, *жить надо* проще, // Все принимая, что есть на свете» [10, т. 3, с. 115]. Такой же глубинный философский смысл, соотношенный с модальным значением долженствования, через собственно модальный модификатор (предикативное наречие *надо* в сочетании с субъектным инфинитивом) получает отраженность и в следующем контексте: «Вот так же отцветем и мы // И отшумим, как гости сада. // Коль нет цветов среди зимы, // То и *грустить* о них *не надо*» [10, т. 2, с. 147]. Здесь собственно модальный модификатор органически сочетается с имплицитным способом выражения модальности, а именно глаголами изъявительного наклонения *отцветем*, *отшумим*, реализующимися в своем метафорическом значении (т.е. должны отцвести, должны отшуметь, так как это предусмотрено законами самой жизни, непосредственно соотносенной с живой природой как ее неотъемлемой частью).

Через средства грамматического контекста (формы изъявительного, повелительного наклонения) идея необратимости земного существования, получающая отраженность в модальном значении долженствования, реализуется и в следующих контекстах: «Я утих. Годы сделали дело. // Но того, что прошло, *не кляню*» [10, т. 3, с. 51]; «*Ничего!* Я спо-

ткнулся о камень, // Это к завтраму все *заживет*» [10, т. 2, с. 109]; «Успокойся, смертный, и *не требуй* // Правды той, что не нужна тебе» [10, т. 3, с. 87].

Утверждая принятие всех законов мироздания, т.е. того, что непосредственно не зависит от воли человека, поэт логически подводит своего лирического героя к осознанию необходимости с философским спокойствием принимать и саму смерть: «Увядаящая сила! // *Умирать так умирать*» [10, т. 3, с. 56]; «Мой милый друг, // *Не сетуй, не кляни!* // Вот умер Брюсов, // *Но пометим и мы*» [10, т. 2, с. 190]. Диалектическое единство жизни и смерти утверждается как должное и в последнем (предсмертном) стихотворении С. Есенина: «До свиданья, друг мой, без руки и слова, // *Не грусти и не печаль* бровей, — // В этой жизни *уми- рать не ново...*» [10, т. 3, с. 138]. Для осмысления соответствующей нравственно-философской позиции поэта чрезвычайно значимо и следующее: если человек выполнил свое назначение на земле, если он встретился с тем, ради кого и чего стоит жить, то смерть может быть воспринята не только как объективная данность, но и как нечто, способное вызвать, как это ни парадоксально на первый взгляд, положительные эмоции. Эта идея получает весьма яркую реализацию и в следующем тексте: «Цветы мне говорят прощай... Любимые! Ну что ж, ну что ж! // Я видел вас и видел землю, // И эту *гробовую дрожь* // Как *ласку новую приемлю*» [10, т. 2, с. 219]. Эмоциональная выразительность данного текста во многом обусловлена использованием в нем в качестве имплицитного способа выражения модальности долженствования, наряду с формой глагола изъявительного наклонения (*гробовую дрожь приемлю* — должен принять), также словосочетания, состоящего из местоимения *что* и усилительной частицы *же* (*что ж* — «да, приходится согласиться, вынужден согласиться, надо согласиться», МАС).

Диктуемая разумом необходимость принятия мира таким, каким он был создан изначально, со свойственными ему законами, в есенинской поэтической системе постоянно вступает в противоречие с чувствами лирического героя, не позволяющими ему безоговорочно признать то, что является правомерным с точки зрения разума. Такие противоположные по своей эстетической заданности модальные значения часто реализуются в структуре одного текста. Так, например, в начале фрагмента из стихотворения «Мы теперь уходим понемногу...» лирический герой в спокойной повествовательной форме сообщает как о чем-то обыденно-необходимом, не вызывающем особых эмоций, о своем возможно скором уходе в иной мир, так непохожий на земной: «Может быть, и скоро мне в дорогу // *Бренные пожитки собирать*» [10, т. 2, с. 157]. Но затем стилистика текста заметно изменяется, приобретая ярко выраженную эмоциональную тональность. Находясь во власти чувств, лирический герой не может воспринимать смерть как что-то обыденное, преходящее. При этом главным выразителем соответствующего эмоционального настроения героя наряду с отчетливо проявленной в тексте восклицательной интонацией становится эксплицитно реализующееся через глагольно-именное сочетание *не в силах скрыть* модальное значение невозможности, совмещенное с модальной семантикой долженствования в ее отрицательном варианте: «Милые березовые чащи! // Ты, земля! И вы, равнин пески! // Перед этим сонмом

уходящих // *Я не в силах скрыть своей тоски*» [10, т. 2, с. 157] — не могу и не должен скрывать своей тоски, порожденной любовью ко всему живому, обреченному на неминуемую смерть и поэтому заслуживающему сострадания.

Эмоциональное наполнение реализующихся в текстах модальных значений может осуществляться и благодаря использованию поэтом различных словесных образов (*страна березового ситца, весенняя гулкая рань, розовый конь в лучах восходящего солнца*). Именно через эти образы модальное значение долженствования, эксплицируемое в тексте в своем отрицательном варианте (ср. «*Не жалею, не зову, не плачу...*» [10, т. 2, с. 113], т.е. *не надо* жалеть, звать на помощь, искать сочувствия, так как это неразумно с учетом того, что все живое обречено на гибель), приобретает положительную коннотацию — «надо, должно». Соответствующей трактовке текста способствуют свойственные есенинской поэтической системе риторические вопросы и восклицания, а также конструкции с междометиями: «*Жизнь моя! иль ты приснилась мне?*»; «*О, моя утраченная свежесть, // Буйство глаз и половодье чувств*»; «*Будь же ты вовек благословенно, // Что пришло процветать и умереть*» [там же]. Содержание приведенные синтаксических конструкций позволяет понять, что лирический герой не может не сожалеть, а значит, должен сожалеть о том мире, который является его родиной и который дал ему столько прекрасных мгновений жизни.

Смысловая значимость соответствующих контекстов приобретает особую выразительность в тех случаях, когда модальное значение долженствования совмещается с другими значениями ситуативной модальности. Ср.: «*Потому и навеки не скрою, // Что любить не отдельно, не врозь — // Нам одной любовью с тобою // Эту родину привелось*» [10, т. 3, с. 98]. На реализацию в данном контексте модального значения долженствования, усиленного модальным значением возможности, указывает семантика глагола *привестись* («статься, выпасть на долю» — МАС) как одного из компонентов соответствующего модального модификатора. Аналогичный комплекс совмещенных модальных значений реализуется и в следующем примере: «*Черная, потом пропахшая выгь! // Как мне тебя не ласкать, не любить!*» [10, т. 1, с. 142]. В данном поэтическом фрагменте степень экспрессивности совмещенного модального значения (долженствование + желательность: «Я должен, хочу тебя ласкать и любить») определяется не только использованием здесь одного из наиболее эффективных способов выражения модальности — независимого инфинитива, но и формой риторического вопроса.

Текстовая значимость рассматриваемых реализаций в значительной степени усиливается тем, что в художественной картине мира С. Есенина концепт «Родина» реализуется в органичной соотнесенности с концептом «Поэт» как компонентом единой культурологической модели. «*Моя лирика*», — сказал когда-то поэт, — «жива одной большой любовью, любовью к Родине» [8, с. 339]. И эта любовь, облеченная в чувство долга, материализуясь в модальном значении долженствования, зачастую совмещенном с другими значениями ситуативной модальности, получает отраженность в поэзии С. Есенина на всех этапах его творческого пути. Ср.: «*Тот поэт... Кто людей, как братьев, любит // И готов за них страдать*» [10, т. 1, с. 82].

Сложность и противоречивость есенинской поэзии обуславливает постоянную реализацию в ней различных модальных значений, и прежде всего модального значения долженствования как эффективного художественного приема, способствующего глубокому проникновению в сущность есенинских текстов, позволяющего выявить тончайшие движения души лирического героя, неоднозначность его решений и поступков, его стремление к мировой гармонии, которая отражается в неповторимых есенинских созвучиях, определяющих до сих пор не разгаданный модальный рисунок его произведений.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 09-06-00172-а.

Список сокращений

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981 — 1984.

Список литературы

1. *Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. Б.* Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
2. *Базалина Е. Н.* Художественный текст и модальность // Научная мысль Кавказа. 2000. №7.
3. *Ваулина С. С.* К вопросу о структурно-содержательной природе модальности (от модальности предложения — к модальности текста) // Вестник Калининградского государственного университета. Вып. 1: Сер. Языки, литература и культура стран Балтийского моря. Калининград, 2004.
4. *Горький М.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1987 — 1990. Т. 3.
5. *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1986.
6. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
7. *Мецзяков В. Н.* К вопросу модальности текста // Филологические науки. 2001. №4.
8. *Наумов Е.* Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Л., 1973.
9. *Сергунина Т. А.* Роль модальности в определении семантики высказывания и текста // Русское языкознание. Киев, 1990. Вып. 20.
10. *Есенин С. А.* Собрание соч.: в 5 т. М., 1961 — 1962.

Об авторах

Роза Васильевна Алимпиева — канд. филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: alimpiyeva@nm.ru
Светлана Николаевна Бабулевич — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: babulewich@nm.ru

About authors

Dr. Rosa V. Alimpiyeva, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: alimpiyeva@nm.ru

Dr. Svetlana N. Babulevich, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: babulewich@nm.ru